

КУМИРЫ

ОБЩАЯ ДЗ - 1994
- 18-16 дек. - с 11

За пять, но вчера

Есть персонажи эстрадной сцены, одно имя которых действует на уровне условных рефлексов. Когда произносят «Карцев» — это значит, все засмеются. В предвкушении...

— Роман Андреевич, над чем вы сейчас смеетесь?

— Над собой. Пожилой клоун, пытающийся рассмешить публику, это дико смешно. И очень грустно.

— Как изменилось ваше самоощущение на сцене после ухода Ильченко?

— Уже почти пять лет я, как инвалид. Как человек, чувствующий боль на месте давно отрубленной ноги или руки.

Мы тридцать лет с утра до вечера были вместе, я знал, что он не любил во мне и что ему нравилось. Я по-прежнему, работая, ориентируюсь на него.

Моноспектакль, на мой взгляд, самое высокое и самое трудное в искусстве. Раньше, когда нас было двое, мы могли уйти друг в друга: я в Витю, Витя в меня. Мы играли друг для друга, а сейчас я непосредственно общаюсь с публикой.

Без него я сделал уже два спектакля: «Искренне ваш» и «Моя Одесса». Сейчас думаю над новым, он будет называться как-нибудь вроде «Исповедь юмориста» — творческий отчет о том, что я натворил за все время.

— Ваш зритель верен вам?

— Наш зритель постепенно начинает вымирать.

— Юмор стареет?

— Можно сто лет играть одни и те же репризы, и люди будут хохотать. Время не властно над чертами человеческого характера, всегда существуют и всегда смешны зависть, жадность, глупость. Социальный юмор, конечно, блекнет со временем. Хотя, знаете, я сейчас открываю Салтыкова-Шедрина на любой странице, тыкаю наугад пальцем, а там написано прямо про нас.

Настоящий юмор, как и все настоящее, не устаревает. Сегодня чувствуется остро ностальгия по прошлому. Было время, когда забыли Утесова, Орлова, Шульженко. Сейчас их опять вспоминают с любовью. Потому что ничего нового равноценного им не появилось. В том поколении на эстраде были личности, которые навсегда: Райкин, Тарапунька и Штепсель, Миронова и Менакер. Сейчас все как-то помельчало.

— Что в прошлом вызывает у вас особый трепет?

— Танцы! Я помню, мы приходили во Дворец моряков в Одессе, танцевали с девушками — ты к ней прижимался и возникало чувство. Сейчас возникает пот. Самый лучший танец на свете — танго. Танго сближает, а если еще бокал шампанского, а если еще свет погасить...

Современные танцы — на расстоянии: люди смотрят в потолок, танцуют в сторону. Это все равно что онанизм.

— Нынче только ленивый не посмеялся над новыми русскими. Что еще в новой жизни заслуживает внимания?

— С появлением новых русских появилась свежая тема для анекдотов. Раньше героем шуток был старый еврей, теперь новый русский. Я к тем людям, которые попадают под это понятие, от-

Это не мое небо, это небо Австралии.

ношуся серьезно: это энергичные люди, которые занимаются делом в то время, как старые русские заседают и ругаются между собой.

Самое интересное, что есть в новой жизни, — это свобода. Которая, к сожалению, принесла много вреда, потому что быстренько трансформировалась в хамство и безразличие.

Я частенько скучаю по Управлению культуры, которое нас запрещало, а мы пробивались. У артистов был стимул чего-то добиваться.

— Сейчас действительно можно вообще все?

— Абсолютно! И знаете почему? Потому, что ни у кого нет времени, чтобы за кем-то следить, все заняты собственными проблемами выживания. Безголосый артист поет идиотские песни? — «Ну и черт с ним, сойдет и так, побежали дальше». Я не припомню за последнее время ни одной критической заметки о плохом спектакле: «Нет-нет, все хорошо, все о'кей».

Люди все-таки сами должны отдать себе отчет, для чего они вышли на сцену. Сейчас искусство очень агрессивно, все чего-то орут, до хрипоты. И одновременно — полное отсутствие смысла.

— Вы читаете со сцены монологи автора или они становятся вашими мыслями тоже?

— Если я не вставляю хотя бы одно слово, то, значит, меня в этом монологе нет. Иногда слишком много своего добавляю, Жванецкий шипит за сценой: «Прекрати, ты же артист...»

— Молодые авторы предлагают вам свои тексты?

— Очень редко, наверное, боясь Жванецкого. Иногда молодежь приносит интересные тексты, но это уже другой стиль, это должны делать другие люди. Потом молодой автор не в состоянии сделать целый спектакль из 20–30 вещей: мы ведь с Ильченко ставили спектакли, а потом уже играли отдельные миниатюры в концертах или на телевидении. Миша написал тысячи три вещей, две тысячи восьмьсот из них хорошие.

Если я прекращу играть Жванецкого, буду играть классику: есть Зошенко, есть Аверченко, есть Хармс, есть Тэффи.

Миша в последнее время стал грустным, пишет очень глубоко, сложно. На эстраде его трудно исполнять, это надо читать глазами, думать, что он написал, а потом смеяться или грустить.

— Откуда эта грусть у народного сатирика?

— От истории еврейского народа, с того времени, как Моисей водил евреев по пустыне и песок попадал в глаза. С тех пор они и грустят.

Есть разный юмор — еврейский, солдатский, есть юмор Хармса, который почему-то считают черным. Есть юмор одесский.

— Одесса по-прежнему осталась городом необычных людей и явлений?

— Одесса непредсказуема: например, появился Петренко, олимпийский чемпион по катанию на коньках. Где он взял в Одессе лед, его там сроду не было!

Какие-то вещи исчезают: лет пятнадцать-двадцать назад капитаны кораблей ездили в Ленинград на балет. Сейчас таких не найдешь.

— Вы весело проводите время в компании друзей?

— Сейчас нет компаний, нет застолий. Есть даты. В последнее время весьма печальные: вечера памяти и годовщины.

Прежние встречи были проще и веселее: картошечка, огурчики, капуста, песни Высоцкого, рассказы Жванецкого, стихи Евтушенко и Рождественского. Сейчас наступило время «презентаций», надевания галстуков, фраков и смокингов, которые жутко мешают пить: бабочка со скальзывает, пиджак цепляется...

— И все-таки что-то вызывает у вас улыбку?

— Недавно я привез своей внучке двухметровую надувную бутылку пива и сказал, чтобы папа надул ей ее. И это существо четырех с половиной лет говорит: «Папа не может надувать, он похудеет». Не знаю, понимала ли она, что говорит, но, похожему, очень мило и остроумно.

Беседовала
Наталья ЩЕРБАНЕНКО